За радугой

Автор:
Соломоника Винтер

За радугой

Соломоника де Винтер

Young & Free

Ее зовут Блю. Блю Вэнити. И она пациентка психиатрической больницы. Совсем недавно у нее было все: мама, любимая книга, свободное время. Теперь остались лишь страх, сомнения и мысли о Дороти – той самой, что шла по дороге из желтого кирпича.

Блю не скрыться, не спрятаться от себя. И страшный секрет останется с ней – куда бы она ни ушла. Каждый день в зеркале она будет видеть лицо без всякого выражения, бледную кожу и грустные глаза. А еще человека, признавшегося в страшном – в убийстве.

Соломоника де Винтер

За радугой

Solomonica de Winter

Over the Rainbow

Copyright © 2014 by Diogenes Verlag AG Z?rich. All rights reserved.

Фото автора Anneke Hymmen © Diogenes Verlag AG Zьrich

© Рапопорт И., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Э», 2016

Часть первая

Меня зовут Блю. Это значит «синий». Но не синий цвет любимой юбки, не бирюзовый, как драгоценные камни, не чернично-синий или не синий, как лак для ногтей. Нет. Блю – это синий цвет горьких слез, синий, как недосягаемая птица счастья. Синий, как ветер, как океан, как радуга. Темно-синий цвет неба, затянутого грозовыми облаками. Именно этот цвет подарил мне имя. Итак, я – Блю.

Мое второе имя – Вэнити. То есть Тщеславие. Мои родители выбрали его для меня, потому что считают, что нами всеми руководит одно тщеславие. Не будь его – мы бы жили в постоянном страхе и отчаянии по отношению к окружающим и еще больше – к самим себе. Не будь тщеславия, люди бы прятались в своих четырех стенах, не решаясь даже в зеркало посмотреть. Мама с папой говорят, что тщеславие – вещь не всегда только хорошая, но оно манит и привлекает. Это нечто, что может обогатить ум человека, опьянить его душу, заставить его сгорать от желания, стремления к совершенству.

Но когда я смотрю в зеркало, я вижу лицо без всякого выражения. Бледную кожу и невидящие глаза. Длинные волосы, растущие прямо из черепа. Я не тщеславна. И мне плевать.

Вы спрашиваете, когда я решила убить этого человека. Я точно знаю, когда приняла это решение. Вы спрашиваете, почему я решила убить его. И это я тоже прекрасно знаю. Вы спрашиваете, когда я перестала говорить. На то свои причины, доктор. Вы спрашиваете, почему. Я объясню позже. Я объясню все. Хотя не могу позволить себе быть хаотичной. Нужно начать с самого начала.

Итак, позвольте мне рассказать вам кое-что. Позвольте мне рассказать вам историю тринадцатилетней девочки, которая застрелила взрослого мужчину. Ах да, и женщину.

1

Я закрыла уши ладонями, потому что тишина, царящая во мчащемся на полной скорости автобусе, стала невыносимой. Дейзи обернулась и уставилась на меня. Стала разглядывать мои ладони, которыми я закрыла уши. Я перевела взгляд на грязный пол. Слишком много людей по нему прошли. Слишком много запахов сразу же ворвалось в мои ноздри, слишком много запахов слишком многих людей. Слишком много мечущихся душ сидело на сиденье, где теперь сидела я.

– Прекрати, – быстро пробормотала Дейзи, а затем снова повернулась к окну. Я убрала ладони. Когда автобус остановился, от пронзительного визга тормозов у меня побежали мурашки по коже. Двери открылись. Я крепко сжала книгу, лежащую на коленях. Темнокожий мужчина в шляпе и костюме уставился на меня. Я посмотрела на него. Его темные глаза казались туннелями в ночь, и я задумалась, куда они могут вести. Он нахмурился, а затем закрылся газетой, которую держал в руках. Но я все равно смотрела на него не отрываясь, до тех пор пока спустя час Дейзи не сказала, что пора выходить. Я взяла чемодан и спустилась по ступенькам из автобуса. На противоположной стороне улицы виднелся переполненный мусорный бак. Наверное, мусор не вывозили уже не первую неделю. Вокруг все было жутко серым. Между похожими друг на друга серыми блочными домами, стоявшими сплошной стеной, выделялось одно-единственное высотное здание. Судя по всему, когда-то стены его были выкрашены в розовый цвет, хотя сейчас оно скорее было цвета мертвой плоти. В его выбитых окнах виднелись обрывки занавесок, которые трепыхались на сильном ветру. Завороженная этим видом, я застыла посреди тротуара. Представила, как в одном из окон показался незнакомец и помахал мне рукой. Никогда не могла устоять перед заброшенным зданием.

– Блю, давай ты поковыряешься в себе потом, а? – подбежав ко мне и схватив за руку, сказала Дейзи. Она быстрым шагом пошла по тротуару, не отпуская меня, поэтому мне пришлось бежать, чтобы успевать за ней. Ее мертвая хватка жгла запястье. Ненавижу, когда ко мне прикасаются. Просто когда кто-то трогает

меня, мне кажется, что душа этого человека проникает в мое тело сквозь поры, просачивается в кровеносные сосуды и так далее. А я терпеть не могу чувствовать души других людей; ненавижу – у меня своя душа есть.

– Да сколько же можно, Блю! Я уже тебя тысячу раз звала! Опять не успели дорогу перейти! Я устала повсюду таскать эти чемоданы сама. Вот доберемся до отеля – и делай тогда, что хочешь!

У Дейзи свалявшиеся жидкие волосы, она их редко моет. Впалые щеки, большие яркие глаза. Она выглядит по меньшей мере лет на десять старше своего возраста и совершенно не похожа на меня. Мои волосы длинные и черные. Я, как ворон, могу сразу окинуть и просканировать взглядом место, в котором оказываюсь. Я – ее дочь, которой Дейзи хотела бы, чтобы у нее не было. Я как засохшая болячка на ее коже, которая заживет, только если она перестанет каждый раз ее расцарапывать.

У меня была мама, книги, и в глубине души я думала, что все в этом мире хорошо. Я пыталась цепляться за эту идею – да, мир прекрасен, Блю, мир прекрасен. Но сложно цепляться за надежду, когда она так часто поворачивалась к тебе спиной.

Мы прошли по улице. Показались еще несколько заброшенных домов. С того момента, как мы (последний раз) уехали из этого места, их стало больше. Но рассмотреть их как следует у меня не вышло, потому что Дейзи шла слишком быстро и по-прежнему крепко держала меня за руку. Я узнала несколько магазинов, заметила знакомые скамейки, и деревья, и фонари. Потому что я могу видеть все. Но никому об этом не рассказываю. Это мой секрет. Но вы ведь мой доктор, а значит, как я понимаю, мне нужно вам доверить все свои секреты. Хотя нет, всех своих тайн я вам открывать не собираюсь. Но скажу достаточно, чтобы заставить задуматься.

Например, что я могу видеть в темноте и с закрытыми глазами. Я могу видеть все насквозь. Людей, предметы, небо. Я вижу человека насквозь через его взгляд, знаю, о чем он думает. Я знаю Бога. Я видела Его. Я знаю Сатану. Я и его тоже видела. И пила с ними чай. И нет, я не сумасшедшая. Нет. У меня есть доказательства. Сатана, например, поинтересовался, пью ли я чай с сахаром, и мне нет смысла об этом лгать. Да и зачем? А вот Бог не предложил мне ни сахара, ни молока. Просто протянул чашку, и все.

Когда мы подошли к мотелю, Дейзи наконец отпустила мою руку. Нас приветствовала огромная вывеска с надписью: «ОТЕЛЬ ПАЛАС». Мне пришлось идти первой, как обычно. Дейзи боялась, что если бы вошла передо мной, я бы сбежала.

Ковровое покрытие под ногами было песочного цвета. Толстый мужчина за темно-коричневой стойкой даже не поднял головы, не заметив нас. Только когда мы подошли к стойке, он медленно выпрямился. Я сразу знала, что он не хочет разговаривать. Я видела.

– Макгрегор. Я вам звонила, – объявила Дейзи.

Мужчина почесал подбородок:

– На кого бронировали?

– Макгрегор.

Мужчина быстро проверил список, а затем еле заметно кивнул.

– Хорошо, – сказал он. – С вас двести пятьдесят долларов.

– Странно, по телефону вы говорили, двести.

– А вы сказали, что вам нужен номер с собственной ванной. Так это еще пятьдесят.

– Платить сразу? – поморщилась Дейзи.

– Да. Только наличными. Политика отеля. Новые правила.

– Ага, и кормежку за неделю тоже включите в счет, – пробормотала Дейзи, покопавшись в сумке и достав оттуда пачку банкнот. Она протянула деньги мужчине, и тот сложил их стопкой в кассовый аппарат. Потом снял с доски ключ от номера и протянул Дейзи.

– Номер двадцать восемь. Вверх по лестнице, до конца коридора. Правила такие. Ничего не ломать. Не прятать трупы за занавесками. Если поняли, что что-то сломалось, тут же зовите меня. Все усвоили? – пробормотал он.

Я посмотрела на Дейзи. По ее глазам я видела, что она не знает, как реагировать, так что она только буркнула «хорошо» и схватила чемоданы, решив поскорее сбежать в номер, пока этот бесцеремонный кретин не придумал еще что-нибудь обидное. Я последовала за ней. Низкие стены давили на меня, а яркий свет свисавших с потолка светильников нещадно жег глаза.

У двери Дейзи поставила чемоданы на пол. Она вставила ключ в замок и повернула. Я вошла, а следом за мной она. И здесь ковер тоже был песочного цвета. А стены – белыми. У стены стояла крохотная кушетка. Я поставила чемодан на пол и медленно оглядела незнакомую молчаливую комнату. Ванна была розовой, и мне это очень понравилось, а еще квадратное зеркало с яркими лампочками вокруг, как будто в будуаре из пятидесятых. И за занавеской душа не было никакого трупа. Я прошла через всю комнату, к окну, и выглянула на улицу.

Потом отошла к дивану, села и уставилась в никуда. Обняла книгу, которая прильнула к моей груди, словно котенок. Моя книга.

* * *

Я знаю, вы считаете, что я была зациклена, доктор. Я знаю, что вы все думаете, я была одержима этой книгой. Только вы ошибаетесь. Это не просто книга, не просто история, не просто нечто, что было написано просто так. И даже не смейте со мной спорить. Иначе я и вас убью. Всех вас. Моя книга – реальна, с реально существующими героями, настоящими деревьями и живыми цветами. Если достаточно крепко закрыть глаза, можно даже почувствовать их запах. Не помешалась я, понимаете? Если бы вы видели, какие люди живут в этом городе, – а я знаю, так как уж я-то вижу их всех насквозь, – вы бы знали, что помощь такого специалиста, как вы, доктор, требуется совсем не мне. Есть тут экземпляры куда более озлобленные и мерзкие, чем даже уличные крысы.

* * *

Мы провели остаток дня в комнате. Дейзи смотрела телевизор, а я сидела на диване, погруженная в мысли. Ноги мои свисали с дивана, словно две бледные оплывшие свечи. Дейзи притащила пару стаканов сока со льдом – таких огромных, что маленькому ребенку их хватило бы на целую неделю. От красителя мой язык стал совсем синим. Я подошла к зеркалу и высунула его, чтобы рассмотреть хорошенько. И подумала – круче быть не может! Простояла так минут десять с высунутым языком, как собака. Наконец Дейзи это так надоело, что она запульнула в меня подушкой.

2

Когда мы проснулись утром, от простыней пахло какой-то мертвечиной. Солнечный свет проникал сквозь тонкие занавески, а в воздухе витал плохо выветренный запах дешевого курева. Не люблю жить в гостиницах. Ты все время чувствуешь напряжение, потому что знаешь, что через день, пять дней, неделю тебе придется уехать отсюда. Ты понимаешь, что там, наверху, дни твоего пребывания в этом месте уже сочтены. Только одно в отелях хорошо – можно бегать по длинным коридорам и вести себя так, как будто ты богатей и у тебя есть шикарный особняк.

Мы с Дейзи потихоньку оделись. Насыпали в тарелки овсяные хлопья и стали есть всухомятку.

– Так, – сказала вдруг Дейзи, – пора на работу. Энтони устроил меня к себе в автосервис.

Она поставила на место коробку с хлопьями, надела туфли и встала.

Сначала вышла она, потом я. Дейзи заперла дверь. Мы прошли по коридору, спустились по лестнице, вышли из отеля. На улице Дейзи огляделась, а потом направилась по тротуару влево. Я медленно шла за ней и смотрела себе под ноги. Прищурившись, я увидела вместо своих ступней две черные точки, которые двигались вперед-назад, словно потревоженные жуки. Я заметила, что Дейзи стала идти медленнее, подождала, пока я ее нагоню, а потом ткнула в спину, чтобы я поторопилась.

– Пожалуйста, когда мы дойдем, – улыбайся. Будь вежлива. Постарайся не втюхивать всем свою книгу. И пожалуйста, старайся вести себя как следует. Они же не знают, что ты совсем сумасшедшая… Вот и не заостряй, – сказала Дейзи.

Я мысленно спросила себя, когда она улыбалась в последний раз.

* * *

Детей нельзя дрессировать. Это не собаки, которые будут приносить палку по первому зову. Дети – как львята или тигрята, они рычат и кусаются. Пытаться приручить их – так глупо… Взять, к примеру, мою книгу. Если я захочу ее прочесть, то прочту. Вы ведь знаете, доктор, что у всех людей есть какая-то вещь, которой они очень дорожат? Женщины носятся с бриллиантами, а мужчины кичатся дорогими костюмами и автомобилями. И они никому не позволяют дотронуться до этих своих сокровищ. Так и с моей книгой – если кто-то хоть слово из нее прочтет, я его пырну ножом. Тут же. Простите. Вообще-то я не хочу быть агрессивной. Обычно я очень добрая.

* * *

Мы свернули за угол, и вдруг перед нами выросло здание автосервиса. Оттуда доносился резкий запах бензина. Терпеть ненавижу, как пахнет бензин, у меня от него голова болит, и к тому же он похож на запах лука, от которого глаза слезятся. Мы вошли внутрь. На стенах висели красочные фотографии винтажных автомобилей. Стены были выкрашены в ярко-желтый цвет, и через стеклянную панель я видела в большом темном гараже сверкающие машины. Дождь из мелких лучей света проникал через несколько крохотных окошек под крышей, словно эти золотые лучи, сделанные ангелами, напоминали нам, что есть в мире и другие вещи, кроме моторного масла, гаечных ключей и шин. Прежде чем мы успели обратиться к парню за стойкой, вошел высокий загорелый мужчина.

Энтони. Цвет его глаз напоминал цвет горячего шоколада. Подойдя к нам, Тони улыбнулся. Я не очень поняла, почему он улыбается без причины. Как будто он на самом деле был в хорошем настроении.

– Эй! Какие люди! Я так рад снова вас обеих видеть! – сказал Энтони, тут же расцеловал Дейзи и поинтересовался, как у нее дела.

– Привет, Блю! Как ты, малышка? – и он нагнулся ко мне.

Он протянул руки – я должна была, судя по всему, броситься к нему в объятия. Терпеть не могу обниматься. Но я почувствовала, как Дейзи легонько ткнула меня в спину, так что я подошла к Энтони и обняла его. Его руки были теплыми, словно одеяло. Мне стало так хорошо, что я решила – в конце концов, не настолько это ужасно – обниматься с кем-то.

– Боже, как же ты выросла. Я скучал по вам, друзья. И каково тебе вернуться в родной городок? – спросил Энтони.

Я смотрела на него снизу вверх. И молчала.

Дейзи положила руку мне на плечо.

– Она, э-э… Она до сих пор не разговаривает, – пробормотала она быстро, смутилась и опустила взгляд в пол. Я же все еще смотрела на Энтони. И заметила, что его улыбка уже не такая лучезарная.

– О… Хорошо, Дейзи. Ничего страшного. Позже об этом поговорим. Пойдемте, – сказал он.

Мы последовали за ним в основной зал, находившийся по другую сторону стеклянной панели. Играла музыка, кто-то таскал оборудование, механики что-то ковыряли под корпусами машин – старых или совсем новых. Их ноги торчали из-под кузова, словно ноги детей, которые натянули одеяло слишком высоко. Кто-то подпевал доносившейся из динамиков песне. Заметив нас с Дейзи, несколько мужчин обменялись многозначительными взглядами. Они все поняли.

Мы вошли в другое здание – наверное, это был офис Энтони. Дейзи велела подойти к дивану, и я сделала, как она сказала. Села на пол, засунув книгу под мышку, и уставилась в темный угол комнаты. Я любила такие углы. Когда я училась во Флориде, нас часто водили на экскурсии в музеи, но даже самым прекрасным шедеврам я предпочитала темные загадочные закоулки. А на выездных занятиях по природоведению я с куда большей охотой рассматривала отражение деревьев в реке или ручье, чем сами деревья. Потому что в воде отражались уже не просто деревья, а прекрасные создания, которые

покачивались на волнах, словно танцуя беззаботно, когда ветер шевелил поверхность воды. В солнечном свете они блестели и переливались, как бриллианты.

Я услышала, как Дейзи меня зовет.

– Блю, Энтони хочет поговорить с тобой наедине. Я буду за дверью.

Я посмотрела ей в глаза, а затем медленно закрыла книгу. Дейзи вздохнула и вышла из кабинета.

Я повернулась к Энтони.

– Так вот, – сказал тот и откашлялся. – Ну… У меня есть для тебя кое-что важное. Твой отец… оставил конверт, чтобы я в случае чего передал его тебе. Он сказал, что если все пойдет по плану, мне нужно вернуть конверт. Но если он… если ему не удастся, я должен отдать его тебе – когда время придет. И вот, спустя пять лет, я думаю, что время пришло. Вот он.

Он протянул мне слегка пожелтевший конверт. На нем было написано мое имя. Я встала, и Энтони торжественно вручил его мне. Почерк был Олли, точно, потому что он, как всегда, поначеркал, и буквы заваливались друг на друга. Как будто он писал все в спешке. Углы конверта были помяты, а на задней стороне виднелось пятно от кофе, но он все равно казался мне сказочно прекрасным. Таким прекрасным. Я не смогла его сразу открыть.

3

Не открыла я его и по дороге в отель. Я чувствовала, что мир изменится, когда я прочитаю это письмо, как будто оно документально подтверждало конец света.

Дейзи не отрывала взгляда от конверта. Она прошла мимо и плюхнулась на диван. Я села за стол в углу и смотрела на конверт в руках. Я не хотела его открывать. Не хотела расплакаться и показать всем свою слабость.

– Господи боже мой, да откроешь ты его когда-нибудь уже или нет? – пробормотала Дейзи, уткнувшись в телевизор. Как мог какой-то клочок бумаги иметь такое значение? Как могли из такой нелепой писанины получиться буквы, слова, вызывающие эмоции, которые могли бы заставить нас смеяться или плакать? А я не хотела проявлять свои чувства. Не хотела смеяться или плакать. Тщательно просчитала, сколько нужно будет усилий, чтобы подавить волну эмоций, какой высоты нужно воздвигнуть плотину. Нет уж. Ни одной волны не допущу. А это письмо, черт возьми, пробило бы в стене брешь, и тогда река слез снова устремилась бы сквозь плотину, снося все на своем пути. Снова.

– Открой ты его уже, а! – прикрикнула Дейзи. Я сделала глубокий вдох. Нужно заставить реку застыть. Пересохнуть. Я медленно надорвала конверт, вытащила и развернула письмо. Его буквы, слова и фразы заполнили всю страницу.

Милая Блю,

Я не знаю, где ты будешь, когда прочтешь эти строки, я не знаю, какое у тебя будет настроение… Но если ты читаешь это письмо, значит, что-то пошло не так… Не знаю, что будет со мной завтра, но пишу на всякий случай, если мой план не удастся. Не надо плакать неделями, задаваясь вопросом, как такое могло произойти. Произошло уже. Только не забывай меня.

У нас очень туго с деньгами. Ты знаешь, нам было не по карману платить за квартиру и содержать ресторан. И хотя дела шли хорошо, очень трудно было со всем справляться. Многие компании разорились и закрылись. Все меньше людей приходило к нам на обед. Нужно было срочно что-то делать, иначе все бы пошло прахом. Поэтому я одолжил денег у Джеймса. О нем мне рассказали друзья. Я думал и про другие способы достать денег, но этот был самый быстрый и самый простой, а время поджимало. Джеймс сказал, что даст мне минимальный процент, что не стоит беспокоиться. Сказал, что все будет нормально. И он был прав. После того как он дал мне деньги, дела пошли немного лучше, и мы выкарабкались. Но спустя несколько месяцев Джеймс сообщил, что поднимает ставку, потому что до сих пор не получил свои деньги назад. Я все еще не мог ему вернуть их, а тут он еще и поднял процентную ставку до 4000 долларов в месяц. Я оказался в ловушке и испугался – у меня так и не было денег, а долг все продолжал расти. Где-то через четыре месяца Джеймс предложил мне, как он это назвал, компромисс – я отписываю на него ресторан, а он освобождает меня от долга. Достаточно было отдать ему ресторан. Но как я мог? Я бы потерял

свою работу! Я бы потерял все! Потерял бы все, о чем когда-либо мечтал! Я не мог! А Дейзи уговаривала меня, почти заставила… «Отдай ему ресторан! Отдай! Иначе он тебя убьет, я уверена, что убьет! Просто отдай ему ресторан и покончи с этим!» Но я никак не мог этого сделать. И отказался. Тогда Джеймс начал угрожать мне, что будет ходить за мной по пятам и подкараулит в темном переулке. Я был в ужасе и по-прежнему не знал, что делать. В довершение ко всему умерла бабушка, помнишь? Пришлось пару раз уехать из города, чтобы организовать похороны. Я надеялся, что она завещала мне немного денег, но от нее остались только долги. Мне пришлось еще больше занять, чтобы оплатить похороны.

У меня есть план. Твоя мама уедет к бабушке, чтобы забрать вещи. Тебе я дарю свою любимую книгу – так ты будешь знать, что со мной все в порядке. Потом я пойду в банк и ограблю его. Возьму все деньги. Все, что я должен Джеймсу. И только тогда я смогу начать жить снова. Я не могу спать, не могу есть. Мне нужны деньги.

Но прежде чем сделать все это, я пишу тебе. Часы запущены. Жалюзи закрыты, дверь заперта. Я сижу в своей комнате, где никто не может видеть меня. Я жалкий трус, Блю. Я не хочу оставлять тебя. Я буду скучать по тем временам, когда готовил тебе ужин. Скучать по твоей улыбке. Не хочу заканчивать письмо, но пора идти.

Твой папа,

Олли

Мне хотелось порвать свое сердце в клочки и бросить на пол. Но я не стала. Вместо этого я ждала, когда плотину в моей голове прорвет. Ждала, когда огромный водопад взметнется в небо. Я смотрела на слова в письме и читала их снова и снова, пока окончательно не поняла, что мозг мой вот-вот выпрыгнет из черепа. Потом почувствовала, как стены плотины не выдерживают. Дыхание участилось. Д-Ж-Е-Й-М-С. Слово из шести букв. Меня передернуло от вида его имени. Но я прочитала еще раз. Снова и снова. Одними губами повторила «Джеймс». Снова и снова. Накрыла подушечкой пальца его имя в тексте. Джеймс. Где-то в глубине моей души родилась мысль. Она проросла выше и обвилась вокруг сердца. Она возникла из тумана и начала течь по венам,

вползая в легкие. Слово «Джеймс» на моих губах стало отвратительным, мерзким, тошнотворным. А потом наступил гнев. Возмущение. Внутри меня началась истерика. Внешне я оставалась абсолютно спокойной. Но внутри я чувствовала неуправляемый гнев. Джеймс!!!

* * *

Тогда это случилось. Плотину прорвало. Дамы и господа, но особенно вы, доктор; река не просто прорвалась сквозь щель. Нет, все было куда ужаснее. Она превратилась в дикий, необузданный поток, словно бушующий океан. Многометровые волны перекатывались через плотину. Вода помутнела. С глубины поднялись грязные бутылки, мелкий мусор и осколки битого стекла. Чайки с маслянистыми перьями с криками пронеслись над волнами, а вода нещадно билась о мою голову изнутри. Морская пена, словно пена изо рта больной бешенством собаки, закипала вокруг мозга. Джеймс. Это он виноват.

4

Теперь, доктор, мне, наверное, следует более подробно рассказать о своем отце. И о Дейзи, какой она когда-то была. О том, как я жила раньше. И о книге.

* * *

Я жила в плохом районе, на темной стороне, о которой знают только те, кто там живет. Где уличные девушки, дрожа от страха, караулят на углу, а парни в черном поджидают в темных переулках. Они всегда держат руки в карманах. Здесь грязные окна. И дверные звонки. Грязные тротуары. Засаленные выключатели в квартирах – от количества рук, которые до них дотрагивались. Те, кто приезжал на машине в эту часть города, тут же закрывали окна и выключали радио. К счастью, лично я и моя семья жили в достаточно спокойном месте, чтобы дети моего возраста могли ходить в школу. Но всего в нескольких кварталах по улицам шатались преступники.

В те времена сигареты считались роскошью. А если на вас были даже самые дешевые и паршивые бусики, все думали, что вы из богатых. Украшений я позволить себе не могла, у меня только был клочок шелка – я сделала в камушке дырку и продела в нее шелк, носила это как ожерелье. У меня были вечно грязные ногти и тощие ноги. Уж не знаю, к какой категории я принадлежала тогда.

Мой папа держал ресторан на Кримзон-стрит. Назывался он «Олив Плэйс». Дейзи работала там официанткой, а Олли – шеф-поваром. Лучшим шеф-поваром на свете. Всегда готовил с улыбкой на лице. Он хотел, чтобы его блюда были идеальными.

Они с Дейзи все время работали. С десяти утра до двух ночи, семь дней в неделю. И у Олли всегда загорался взгляд, когда он видел, как клиент пробует блюдо. Он подходил к столу и заводил разговор. Ему ничего не стоило потрепать милую девчушку за щечку, сказав, что она с каждым днем все красивее, похлопать по плечу молодого человека и поинтересоваться, как поживает его подружка. Олли наполнял бокалы по второму кругу, часто забесплатно. Просто потому, что видеть других людей счастливыми – это и было его самое большое счастье. Мой папа был хорошим человеком, у него было доброе сердце. Я часто наблюдала за его работой. Кухня была его убежищем. Там он становился другим человеком. И я могла видеть невинность в его глазах даже среди огромного количества тех гнетущих мыслей, о которых он никогда не говорил мне, потому что не мог сказать. Дома была нервная, безнадежно гнетущая обстановка, там царили беспокойство и неуверенность в будущем; в ресторане все невзгоды исчезали.

– Неси заказ, Дейзи! – кричал Олли, поставив на стойку очередную тарелку. Иногда во время готовки он оборачивался и улыбался мне. Ходил от кастрюли к кастрюле и громко пел песни. Пробовал еду, чтобы убедиться, готова ли она; отпивал вино, чтобы понять, достаточно ли у него богатый вкус. Дейзи разносила тарелки и старалась записывать заказы очень внимательно. Она мыла полы и окна, выравнивала картины на стенах, а еще занималась сервировкой, потому что все столы должны были быть идеально оформлены: вилки и салфетки слева от тарелки, ножи – справа.

Наши финансовые проблемы во времена моего детства никогда не были для меня неожиданностью. Мне думается, что я уже родилась с осознанием этих проблем. Вот только к тому, насколько сильно моя семья скатится за черту

бедности, когда хозяин решил поднять квартплату, я оказалась не готова. Напряжение было так сильно, что я готова была грызть его зубами – лишь бы прошло.

Дейзи пришлось продать машину. С каждым днем родители возвращались домой с работы все более опустошенные и измученные, и Дейзи часто плакала в подушку от отчаяния и разочарования в жизни. Олли ночами напролет просиживал за столом на кухне, глядя на гору счетов, громоздившуюся перед ним. Так как няню родители позволить себе больше не могли, на пару дней каждую неделю меня отправляли к Энтони. С ним было хорошо – я ведь его почти с рождения знала. Он позволял мне ложиться спать поздно, и мы часто заказывали пиццу. Иногда мы пекли печенье, потому что он знал – когда я пеку печенье, я совершенно счастлива. «Счастлива»… Странное слово, особенно когда ты вообще не можешь чувствовать ничего, словно опустившийся под воду остров – далекая, затерянная Атлантида, которая когда-то давно имела хоть какой-то смысл.

* * *

Я делала домашнее задание, а Энтони смотрел телевизор, когда в дверь постучали. Пока Энтони открывал, я пряталась у него за спиной, как Тото за спиной Дороти, когда домик уже рухнул и она открыла дверь.

На пороге стоял папа. Он просто стоял с широко раскрытыми глазами, тяжело дыша. Продолжал смотреть через плечо. Затем, ни слова не сказав, он обнял Энтони, но даже я сразу поняла, что это не просто дружеское объятие. Казалось, Олли еле-еле сдерживает вопль отчаяния. Как будто он пытался дать Энтони какой-либо знак. Теперь, когда мне уже все известно, я думаю, что он и вправду звал на помощь. Беззвучно. Как высохший цветок льнет к грязной почве, отчаянно надеясь, что не засохнет окончательно.

К тому моменту мы не виделись с Олли уже пару дней. Он отпустил Энтони, взял меня на руки и закружил по комнате.

– Мой маленький ангел, – шептал он, – моя маленькая принцесса.

Олли был во всем черном, даже на голову надел черную шапочку. Опустил меня на пол, полез в свой рюкзак и вытащил оттуда книгу.

– Раньше, когда я был ребенком, я читал почти каждый день. Я знаю, ты любишь читать о других мирах. Эта книга изменит тот мир, в котором ты живешь. Она немного потрепанная, но это ничего. Вдруг и тебе она тоже понравится. Известная книга, – сказал он.

И протянул книгу. Я уставилась на нее. Этот момент был началом чего-то невероятного, доктор. Может быть, из-за этого я сошла с ума, или, наоборот, книга стала моим средством защиты. В любом случае я не скажу вам, как она называется. Не сейчас.

Олли велел мне остаться дома и читать книгу, и я в точности выполнила то, что он сказал. Они с Энтони отправились в кухню и закрыли за собой дверь. Меня это не удивило: они так часто делали, когда Олли приходил к Энтони, – бормотали какие-то непонятные слова, а потом уходили в другую комнату, запирали дверь и о чем-то долго говорили.

Прошло минут десять, прежде чем Олли вышел. Он приблизился ко мне, и я заметила в его глазах какое-то странное отчаяние. Нечеловеческим усилием он попытался улыбнуться, но понял, что даже пытаться не хочет. И тогда он вздохнул. Тишина становилась зловещей, когда раздался вздох, смысл которого я толком и не поняла. Олли положил руки мне на плечи и посмотрел в глаза. До сих пор я чувствую его ладони на плечах. Он нежно поцеловал меня в одну щеку, потом в другую. Вот уж правда, сила отцовской любви безгранична.

– Я всегда буду с тобой. Я люблю тебя, – прошептал Олли, проведя большим пальцем по моей щеке. Крошечные слезинки застыли в уголках его глаз. Настолько крошечные, что никто бы не заметил. Ни Энтони, ни Джеймс, ни охранник в банке. Но я заметила. Я его дочь, и мы с ним из одной плоти и крови.

– Я тоже тебя люблю, папа, – сказала я.

Олли закрыл за собой входную дверь. Я не должна была дать ему уйти.

* * *

Весь тот день я читала. Когда мы с Энтони обедали, я читала, зачерпывая ложкой картофельное пюре и отправляя его в рот. Вечером я ни разу не выпустила книгу из рук. Пока он смотрел телевизор, я читала. Когда Энтони уложил меня спать и подоткнул одеяло, я все еще читала. Когда я заснула с книгой в руках, мне снился сон о ней.

* * *

Вы не поймете. Вы не поймете, если не читали ее. Просто знайте – книга проросла во мне, как роза, стебель которой обвился внутри меня, шипы проткнули кости, а лепестки бутоном укрыли мне сердце.

* * *

На следующее утро Энтони осторожно открыл дверь и вошел в комнату. Он старался не шуметь, но деревянный пол предательски скрипнул под его ногами, и я проснулась. Глаза у Энтони были красными и опухшими, и вообще он выглядел так, будто всю ночь не мог уснуть. Мои же глаза, напротив, только открылись, впустив солнечный свет, который тут же наполнил меня всю. Я заметила книгу, лежавшую на моей груди. Когда я делала вдох, книга поднималась. Как будто жила вместе со мной.

– Сядь, Блю, – тихим голосом произнес Энтони.

Я села. На щеках Энтони я заметила засохшие следы слез. Он вздохнул:

– Я должен сказать тебе что-то важное.

– Что? – спросила я.

Он опустил голову и медленно покачал ею. И разрыдался. Его плечи задрожали, и он хватал ртом воздух. Я не поняла, что происходит, но внутри меня появилось какое-то неясное предчувствие, отчего все поплыло перед глазами. Что-то было не так. Я никогда не видела Энтони плачущим. Что-то случилось. Он был весь каким-то помятым, а морщины вокруг его рта и глаз казались ужасно глубокими. По его лицу катились градом слезы, а он не мог даже их смахнуть.

– Блю, послушай меня. Олли… Олли больше не придет. Кое-что слу-слу-случилось с ним. Боже мой… – прошептал Энтони, – мне-мне так жаль. Прости. Я пытался остановить его. Он – он теперь на небе, и он смотрит оттуда за вами с Дейзи, так что больше ничего не бойся, слышишь? – Его голос дрожал, а грудь сотрясалась от рыданий.

– Что-что случилось? – прошептала я.

– Я… Я думаю, что лучше, если я… – начал было Энтони.

– Что случилось?! ЧТО С ПАПОЙ?! – вдруг закричала я не своим голосом.

И тут я не выдержала. Я начала выть и визжать, реветь как оглушенная. Забралась под одеяло так глубоко, что только глаза выглядывали. Раскачивалась взад и вперед, уже в ужасе от того, что же Энтони сейчас скажет. Слезы лились по щекам, и я чувствовала соль на губах. Я не могла ничего видеть, не могла дышать, как тогда, когда попадаешь в шторм и пытаешься выжать хоть глоток воздуха из своих легких.

– Что случилось? – снова закричала я.

– Они – они его застрелили, понимаешь ты?! Он… он… Твой папа пытался ограбить банк! Ясно?! И охранник застрелил его. Идиот. Ублюдок – чертов ублюдок!

Он кричал в полный голос.

– Олли был мне как брат, черт подери! Как он мог – ублюдок! – орал Энтони, и слезы текли по его лицу. – Мне очень жаль, Блю, мне очень жаль!

Сердце рухнуло куда-то вниз. Веки налились свинцом. Дрожащими руками я взяла книгу. Я не могла видеть лицо Энтони. Где-то там, в душе, бушевал демон отчаяния, а я не хотела впускать его в себя. Как будто я держала не книгу, а мутное стекло и знала, что реальность кристально чиста; никакого тумана, одна лишь горькая правда. Я не хотела, чтобы стекло прояснилось. Нет.

– Нет, нет, нет, нет. Ничего этого нет. Все – обман, – прорычала я, – этого-этого нет. Это неправда! – заорала я что есть мочи. – Я – я просто буду читать! Мне просто нужно читать… Все-все будет хорошо… просто нужно читать дальше!

– Блю… пожалуйста. Посмотри на меня! – вскричал Энтони.

Я открыла книгу на одной из первых страниц и начала читать.

Тото в ужасе забился под кровать, и Дороти, как ни пыталась, никак не могла его вытащить. Насмерть перепуганная тетушка Эм подняла тяжелую крышку погреба и спустилась вниз. Дороти наконец поймала Тото и уже собиралась последовать за тетей. Но добраться до двери не успела: домик так сильно качнуло порывом ветра, что девочка упала на пол.

Эти строки заполнили мой разум, пустили в нем корни. Читай, Блю, читай.

– Блю! Ответь мне! Я… я знаю, что ты расстроена. Но, пожалуйста, поговори со мной!

Только я не издала ни звука. Молча перевернула страницу в надежде, что какое-нибудь другое чувство появится в моей душе. «Пожалуйста, просто не мешай мне читать», – подумала я. Пожалуйста, не мешай мне читать и просто оставь меня в покое.

Прошло время, и постепенно Дороти немного успокоилась; но она чувствовала себя очень одиноко, а ветер выл над ней так громко, что она чуть было не потеряла слух.

Именно тогда демон отчаяния прокрался в меня. Забрался в вены, проник в артерии. С тех пор он живет во мне и никогда уже не уйдет. Это он отнял у меня способность и желание говорить.

* * *

Энтони отвел меня обратно к Дейзи, в квартиру, где мы раньше жили с Олли. Джеймс, которому теперь принадлежал ресторан отца, вышвырнул Дейзи и быстро нашел ей замену. Он, наверное, и кухню-то теперь использовал

исключительно для встреч с такими же отвратительными скользкими ублюдками, как он сам.

Дейзи начала сходить с ума. Она не могла оставаться в квартире, где все напоминало об Олли. И через две недели мы просто уехали. Из города. Сели на автобус до Флориды, где меня отправили в школу и все такое прочее. В школе меня определили в спецкласс, потому что я «умственно неполноценна», как они сказали мне, и потому что я «не в состоянии адаптироваться к изменениям и не способна общаться с другими детьми». Другими словами, меня обозвали социопатом. Очень бы мне хотелось, чтобы они видели, как Дейзи каждый вечер нюхала белый порошок со стола в кухне, истерически плакала, когда убирала нашу крошечную квартирку или как готовила еду и тут же выбрасывала ее. Пожалуй, в таком жутком состоянии я ее до этого не видела никогда. Пять лет. Пять лет мы жили среди этого ужаса.

Да, доктор, именно во Флориде Дейзи начала принимать наркотики. Была готова на что угодно, чтобы получить дозу. Иногда она не возвращалась домой неделями. На завтрак мне приходилось есть желе, потому что холодильник был пуст, а все деньги уходили на ее дерьмо. Вы же понимаете, доктор, не я принимала наркотики – так почему же вы не видите, что я не сумасшедшая?

* * *

У нее был специальный металлический чемоданчик для наркотиков. Однажды я искала туфли и наткнулась на него. Я искала везде, а потом вспомнила про ее комнату. Покопавшись в шкафу, я залезла под кровать и нашла блестящий металлический чемоданчик. В нем не было ничего, кроме пары смятых долларовых банкнот и нескольких пустых полиэтиленовых пакетиков.

Иногда Дейзи пыталась бросить. И тогда начинался кошмар – она вся покрывалась капельками пота, а когда я открывала окна, ей становилось холодно, и она начинала трястись, и мне снова приходилось закрывать окна и включать отопление.

Дейзи доставала деньги, продавая наркотики. Пока мы жили во Флориде, она успела задолжать слишком многим дилерам, так что мы сбежали из города и переехали в Марлинвилл. Она так и не вернула никому долги. Она снимала напряжение тем, что разрушала свой разум наркотиками, а я – тем, что

восстанавливала мир каждый раз, когда переворачивала новую страницу.

Когда Дейзи сидела на наркотиках, она была воплощением зла, разрушительной, жуткой и отвратительной, словно злая ведьма. Я никогда бы не осмелилась сказать это вслух. Но мысленно я называла ее демоном-разрушителем каждый раз, когда она смотрела мне в глаза. Только она не такой демон, как те, которые живут в моем мозгу, доктор. Нет, нет. Дейзи хуже. Дейзи смертельно опасна. Дейзи – моя мать.

5

Я никогда не дралась с Дейзи. Никогда не кричала на нее, злясь, что она наркоманка. Я никогда не прятала порошок, чтобы она смогла бросить. Я просто никогда не обращала на нее внимания. Как будто все это было дурным сном. Я пряталась в своем идеальном мире. Как мне это удавалось, спросите вы? Все просто – у меня есть книга.

Книга помогала мне мечтать. И по-прежнему помогает. У меня есть увлекательная книга: свой мир, в который можно погрузиться каждый раз, когда я этого захочу. Я твердо верю, что, когда я умру, в конце концов моя душа окажется там, за радугой, в том мире. Книга – это все, что у меня есть. Самая захватывающая история из когда-либо написанных о девочке и ее песике, домик которых унес торнадо. И вот, когда буря стихает… Боже мой, когда же она стихает… и когда дом приземляется где-то в далекой стране, а вы думаете – куда же она попала… Это завораживает, доктор.

Так вот, когда домик уже упал на землю, и юная Дороти открывает дверь, она видит что-то совершенно невероятное, что-то настолько многообещающее, что единственное, о чем я могла думать, когда прочитала об этом, было: «Пожалуйста, Господи, пусть наш мир будет таким!»

Пока Дороти разглядывает чудный пейзаж вокруг себя, появляется группа карликов-Жевунов. Они рассказывают Дороти, что ее домик убил Злую Ведьму Востока – упал сверху и раздавил ее. Есть еще Ведьмы Севера и Юга – они хорошие, и Ведьма Запада, она плохая и, как выясняется, к сожалению, до сих пор жива. Жевуны хвалят Дороти за то, что она смогла расправиться с Ведьмой.

Они очарованы девочкой, потому что та прилетела из далеких земель под названием Канзас, и советуют ей надеть серебряные туфли мертвой Злой Ведьмы Востока. Дороти слушается их совета. Все, чего она хочет, – это вернуться домой в Канзас, к тете Эм и дяде Генри, с которыми она жила. Жевуны и Ведьма Севера говорят, что единственный человек, который способен помочь ей, – это Великий Оз. Чтобы найти его, она должна просто «идти по дороге из желтого кирпича». Жевуны и Ведьма долго машут ей вслед. По пути в Изумрудный город к Дороти присоединяются Страшила без мозгов, Железный Дровосек без сердца и Трусливый Лев – все хотят попросить у Волшебника то, чего им не хватает.

Злая Ведьма Запада в ярости, потому что Дороти убила ее злую сестру, старается всячески затруднить путешествие девочки и ее новых друзей. Она пытается их всех уничтожить, но в конце концов они все-таки добираются до Изумрудного города, столицы страны Оз, где живет Волшебник. Тем не менее, когда друзья приходят к нему, он отказывается выполнить их желания… пока они не согласятся убить Злую Ведьму Запада. В конце концов, испытав много страха и пролив немало слез, Дороти убивает Злую Ведьму – хотя и не намеренно.

Она случайно обливает Ведьму водой, не зная, что от воды она тает, и Ведьма испаряется. Друзья возвращаются в Изумрудный город, и Волшебник исполняет желание каждого из них – кроме Дороти. Почему? Потому что не знает, как вернуть ее в Канзас, – в стране Оз никто не знает, где это. Дороти в отчаянии, но потом появляется Глинда, Ведьма Юга, и говорит девочке, что ей нужно просто щелкнуть каблучками серебряных туфель три раза и произнести вслух свое желание. Дороти закрывает глаза, стучит каблучками, как ей сказали, и говорит: «Хочу домой, к тете Эм!»

Через пару минут она открывает глаза, смотрит вокруг и понимает, что снова в Канзасе, с теми, кого любит, в месте, которое считает своим домом.

* * *

Каждый раз, когда я читала эту историю, я ловила себя на мысли: я бы что угодно отдала, чтобы наш мир был таким.

Пожалуйста, пусть по улицам текут сверкающие реки, а вокруг домов растут пышные цветы, и мир защищают добрые ведьмы, а не те мрачные силы, которые против нашей воли вершат наши судьбы. Так я и жила, день за днем, просто перечитывая свою книгу снова и снова, представляя себя в стране Оз. Единственным моим занятием и единственной надеждой была эта книга. Просто продолжай читать, Блю, говорила я себе, и ты в конечном итоге окажешься в том мире; в конце концов твое сердце переполнится этой мечтой и улетит в небо, за радугу, в страну Оз, и ты вместе с ним. Если хочешь прогнать прочь свою печаль, читай.

Видите, доктор? Я не агрессивная. Я не убийца. Я просто люблю свою книгу. Больше ничего. Не корите меня за это. Вы можете осуждать руку, которая держала пистолет, говорить, что она всему причина, считать виновной кровь под моими ногтями, но в глубине души я совершенно чиста. В душе я всегда была такой. Я действовала по справедливости, вершила правосудие и восстанавливала равновесие. Только и всего.

О, простите, я же обещала сказать название книги. Вот я дурочка, все что-то рассказываю, рассказываю, а про книгу самого главного так и не сказала! Вот оно, название всей моей жизни: «Волшебник страны Оз».

6

Назад к жестокой реальности. Для этого вы ведь здесь, доктор. Когда я прочитала письмо Олли, Дейзи и я провели остаток дня в нашем гостиничном номере. Дейзи смотрела телик, а я считала плитки в ванной комнате. Так мне было чем заняться. Дейзи не спросила меня о письме. Наверное, знала, почему Олли его написал. Мне все равно. Она бы в любом случае, скорее всего, устроила истерику.

Некоторое время назад Дейзи решила разрешить мне читать только по воскресеньям. Она заявила, что если я не послушаюсь, она сожжет книгу прямо у меня на глазах. Но я нарушила ее правило уже на следующий день. И она ничего не сожгла.

Когда на улице стемнело, Дейзи отправилась в «Макдоналдс» через дорогу – купить что-нибудь к ужину.

Я знала, что надо спешить. Как только Дейзи вышла за дверь, я вихрем пронеслась через комнату, залезла под кровать и начала рыться в ее сумке. Я должна была знать, был ли у нее наркотик. Сидела ли она все еще на нем. Мне нужно было знать, так ли она плохо держала свое слово, как я – свое. Я перерыла кучу одежды, залезла в туфли и карманы джинсов. Не найдя там знакомых пластиковых мешочков, я заглянула в тумбу рядом с кроватью, но там были только старый бюстгальтер и Библия в черной кожаной обложке. Я захлопнула ящик и побежала в ванную, где хорошенько поискала за унитазом. Вернувшись в гостиную, я стала копаться в сумке Дейзи, которая валялась на полу. Достав из сумки ее косметичку и расстегнув молнию, я стала шарить по ней. И тут мои пальцы коснулись полиэтилена. Я вытащила его. Это был маленький пакетик с белым порошком.

Когда мы ехали в автобусе из Флориды обратно в Марлинвилл, Дейзи поклялась, что бросила. Обещала, что «начнет новую, здоровую главу в нашей жизни». Так она сказала мне. Своими гадкими лживыми губами она бросила эти слова. Дейзи обещала мне. Жалкая лгунья.

Я зажала пакетик в кулак и что есть мочи стиснула зубы. Мне захотелось выбросить его из окна и сказать миру, что просто пошел снег. Я схватила подушку и стала рвать наволочку, пока не начали вываливаться перья. А потом швырнула несчастную подушку через всю комнату. Сняла простыню с кровати и обернула вокруг себя. Посмотрела в зеркало. Теперь я ужасный снежный человек. Белый, как порошок в этом маленьком полиэтиленовом пакете. Мне хотелось просочиться сквозь ковер и исчезнуть навсегда из этого мира.

Я услышала шаги за дверью. Вошла Дейзи. В руках у нее было два бумажных пакета с картофелем фри и кетчупом. Комнату наполнил теплый аромат свежеподжаренной картошки. Я быстро бросила пакетик обратно в сумку, отшвырнула простыню, забралась на кровать и притворилась, что читаю.

– Что тут происходит? – спросила Дейзи, прожевав картофелину. Она посмотрела на подушку и простыню на полу. Потом заметила, что ее сумка распахнута и выпотрошена. Я посмотрела ей в глаза. Дейзи насупилась и перестала жевать.

– Какого черта ты тут делала?! – закричала она, кинув пакеты на стол. – Какого черта ты ковыряешься в моих вещах? Какого хрена с тобой не так?!

Со мной все хорошо. Это ты – Злая Ведьма Запада, ты обманываешь, ты все портишь, ты все время под кайфом, как чудовище все время под заклятьем вечной ненависти. А я – Дороти.

– Ты что, думала, можно взять и так просто залезть в мои вещи?! Тебе бы понравилось, если бы я шарилась по твоему дерьму?! – раскричалась Дейзи. Она облизала губы, схватила сумку и положила на маленький столик в углу.

У меня и вещей-то своих нет. Только книга.

– Ты сущее наказание, – прорычала Дейзи с плохо скрываемой злобой, подойдя ко мне близко-близко. Я посмотрела ей в глаза. Ее светлые волосы спутались и растрепались. А взгляд был совсем пустым. Я видела ее насквозь. Видела ее душу. Холодную как лед. Застывшую и превратившуюся в глыбу льда. Это была уже не Дейзи. Не Дейзи. И хотя я все еще надеялась на обратное, это был не сон.

– Ты не собираешься извиняться, а? Говори?! Ты?! Ты когда-нибудь перестанешь молчать?! – вопила Дейзи. Она схватила меня за плечи и что есть силы тряхнула. – Говори! Блю! Говори!!!

Прикосновение ее рук жгло мою кожу – я чувствовала их до кости. От меня почти больше ничего и не осталось: пара костей, немного кожи и чуть волос. Отпусти меня, Дейзи. Не трогай меня своими пальцами, которые насквозь пропитались ядом за годы твоей наркомании. Я вспомнила о давних временах, когда мы часто ездили летом к большому озеру – Дейзи держала меня за руки и раскручивала в воде, как будто я русалка.

Наконец меня и мои кости оставили в покое. Дейзи развернулась ко мне:

– Прямо не знаю, что с тобой делать, – пробормотала она, в отчаянии качая головой. Я молча схватила книгу и подползла к другой стороне кровати. Слезла и спряталась от Дейзи в углу за кроватью. И погрузилась в чтение. Дейзи полагает, что я не говорю, исключительно чтобы ее позлить. Но на самом-то деле я просто ждала кого-то, кто мог бы услышать мое молчание. Я ждала, что кто-нибудь расслышит мой молчаливый крик. Только никто не хотел его

слышать.

* * *

Сегодня, доктор, у меня в первый раз за последние три недели появились ответы на некоторые ваши вопросы. Вслух не скажу, но на листе бумаги, как обычно, написать могу. Я еще не показывала вам ответы. Слишком сильно переживала. Но сейчас я записала их все. Вот.

Скажи, кто ты, в одном предложении.

Никто.

Ты видишь вещи, которых сейчас здесь нет?

Все, что надо, здесь, как мне кажется.

Расскажи, что ты любишь, – это может

быть все что угодно.

Безумие и печаль.

Через несколько дней Дейзи сказала мне, что все готово к переезду в новую квартиру. Мы встали рано-рано утром и начали складывать одежду и всякие вещи в чемоданы. Дейзи заглянула под кровать – проверить, не забыли ли мы чего-нибудь. Я надела коричневые брюки, которые Дейзи достала через Армию спасения, и синий шерстяной свитер Олли. Такое впечатление, что это одежда носила меня, а не я ее. Когда Дейзи открыла дверь, я побежала в ванную комнату, схватила розовое мыло и сунула в карман. Потом вернулась в гостиную и взяла свой чемодан. Мы вышли из квартиры. Когда мы шли по коридору, я так крепко сжимала розовое мыло, что мои ногти врезались в мягкую поверхность. Ногти порозовели. Похоже, я, сама того не желая, сделала себе маникюр. Мысль об этом заставила меня улыбнуться.

Когда мы шли по кварталу, я заметила, что улицы пусты, разве что несколько бездомных спали по углам. Откуда-то донесся запах блевотины. Тротуар был грязный, весь в кругляшах раздавленной жвачки, на которую уже столько раз наступили, что она давно стала грязно-черного цвета. Периодически мимо проезжали автомобили. Магазины выглядели заброшенными, хозяева за

прилавками зевали, от нечего делать листая журналы. Всходило солнце. Небо было оранжевым и светло-голубым, а в дальнем конце горизонта нас приветствовала четвертинка солнечного диска. Я была рада, что небо еще не решило рухнуть на наши головы. Я подумала обо всех людях на другой стороне планеты, которые мирно спали, потому что там солнце еще не взошло.

На автобусной остановке мы присели на скамейку, поверхность которой была усыпана вырезанными сердцами и надписями, скажем, «Боб + Джуди», хотя большинство из них были перечеркнуты черным маркером. Много здесь любви было потрачено впустую. Дешевой любви, которая длилась одну ночь, а уже утром о ней забывали.

Автобус повез нас на Девон-стрит. Дейзи рассказала, где наша новая квартира. В автобусе не было почти никого, разве что бездомный парень с бородой. Было шесть утра, и все, что я хотела, – это проспать лет тысячу. И если я когда-нибудь проснулась бы, то это было бы на маковом поле рядом с Дороти, уснувшей на нем в книге. Хотя это маковое поле – не такой уж райский уголок: называется оно «смертельное маковое поле», так как аромат цветов нагоняет жуткую усталость, отнимает последние силы и изматывает, так что можно только лечь на землю и заснуть. С мыслью, что можете и не проснуться. Но я была не против. Идея проспать веки вечные на маковом поле мне очень нравилась.

Минут через пятнадцать мы уже вышли из автобуса.

– Вот, прямо здесь, – сказала Дейзи, указывая на большое здание перед нами. Темно-серое, словно выцветшее, как будто над ним слишком часто шел дождь. Окно над входной дверью было покрыто всеми возможными видами наклеек. Мы подхватили наши чемоданы, и я открыла дверь. Ручка была липкой. Я вытерла руки о штаны и побрела по холлу. Дейзи собиралась ехать на лифте, потому что ей не хотелось нести чемоданы вверх по лестнице, но я отчаянно замотала головой.

– Давай, Блю. Не будь таким ребенком, – сказала она.

Я снова покачала головой. Не доверяю лифтам. Да и вообще механизмам. Там точно какое-то колдовство, иначе как они могут функционировать совершенно независимо друг от друга? В любом случае мне все это не нравилось.

– Прекрасно. Вот и иди пешком сама. А я поеду на лифте. Господи, ну что же за наказание.

Она нажала кнопку, и через пару мгновений двери открылись. Дейзи вошла. Стены лифта были покрыты черными граффити, в нижнем углу виднелось желтое пятно.

В глубине души я надеялась, что лифт унесет ее в преисподнюю, и тогда она и ее наркотики исчезнут из моей жизни навсегда. Я посмотрела на закрывающиеся двери и пошла по лестнице.

* * *

Дейзи распахнула дверь, и мы обе огляделись. Стены в нашем новом жилище были темно-синего цвета. Кухня была выложена белой плиткой, в углах виднелись ржавые пятна. Страшно было даже приблизиться к этим углам. В квартире уже имелась мебель – диван в гостиной и небольшой стол на кухне. Я прошла через гостиную и вошла в небольшую комнатку – возможно, мою комнату. В этой комнате с белыми стенами стояли шкаф и кровать – прямо посередине. Я посмотрела на потолок – черный, усыпанный огромными и очень красивыми белыми звездами. Я прищурилась и притворилась, что нахожусь в космосе и танцую среди этих звезд на пути к стране Оз. Я надеялась, что смогу достать где-нибудь пару хороших постеров для стен.

Там у меня была своя комната. Но не тогда, когда меня отправили в «это место», доктор. Она появилась потом. Когда я приехала сюда в первый раз, у меня была соседка. Даниэла. Шизофрения. Ей было двадцать один. Я тут самая младшая. Даниэла рассказала, что иногда по ночам она просыпалась и видела девушку, которая сидела на ее кровати, кусая ногти. Наверное, это была та яркая, счастливая я, какой я когда-то была, моя потерянная сущность, которая так хотела вернуться в мое тело. И мы с Даниэлой не спали всю ночь – ждали, когда девушка придет. И она мне поведала, что на самом деле сотрудники больницы – это переодетые в людей птицы, и под этими масками скрываются огромные голуби и вороны. Но врачи узнали, что она мне рассказала. И увели ее. С тех пор я ее не видела.

7

На следующий день Дейзи отвела меня в школу, чтобы познакомить с директором и учителями. Школа находилась всего в двух кварталах от нас, и поэтому мы пошли пешком. Небо было серым. Кирпичные стены здания школы были сплошь исписаны граффити. Внутрь заходить не хотелось. Не хотелось встретить новых людей, посторонние взгляды, которые, словно клювы хищных птиц, вонзались в мою кожу, и крики, эхом отдававшиеся у меня в голове. Я всегда чувствовала страх перед незнакомыми людьми. Наверное, незнакомцев не боятся только люди без мозгов – как Страшила никогда не боялся ворон.

Я остановилась.

– Боже мой, Блю, – прошипела Дейзи, схватив меня за руку и втащив внутрь. Мы прошли в холл и вошли в офис администрации.

– У нас назначена встреча с директором, – сказала Дейзи.

Толстая женщина оглядела нас. На ней была дешевая блузка в мелкий цветочек и очки в черной оправе.

– Макгрегоры? На двенадцать тридцать? – спросила она. Дейзи кивнула.

– Прекрасно, – заметила женщина, прошелестев какими-то бумагами. Она избегала зрительного контакта. Мне это показалось совершенно бесчеловечным. – Присаживайтесь. Директор придет через минуту.

Дейзи села. Я еще пару минут ходила вокруг стола. Неодобрительно поджимала губы, глядя в маленькие глаза этой женщины, которые были устремлены на экран компьютера. Я вытащила из стакана на ее столе фиолетовую ручку с надписью «Лас-Вегас!» Она медленно посмотрела на меня и нахмурилась.

– Блю! Ну-ка быстро ко мне! – зашипела Дейзи. Я обернулась и увидела, что она отчаянно кивает, подзывая меня к себе.

Я положила эту дурацкую ручку обратно в стакан, подошла к Дейзи и села рядом с ней.

– Молодец, с самого начала все испортила, – шикнула она на меня еле слышно. Рядом с нами был маленький столик, на котором громоздились журналы.

Вообще я не самый непослушный ребенок, должна признаться. Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться и не дать Дейзи повода отшлепать меня публично. Я вытащила книгу из-под мышки и открыла ее. Потом из кармана выудила синий маркер. И начала выделять самые красивые предложения, которые были в книге. Я часто так делала, но каждый раз использовала другой цвет маркера. В моей книге очень много подчеркиваний. Там полно подчеркнутых предложений, которые я люблю, слов, которые обвела в кружок. В моей книге есть пятна от чая, потому что я много раз читала ее во время чаепития.

Дейзи наблюдала за мной краем глаза – я должна была вести себя прилично. Через пару минут она наклонилась ко мне и сказала, оглядевшись по сторонам и убедившись, что никто не заметил:

– Хватит. Убери уже книгу.

Я пробудилась от полубессознательного состояния. Посмотрела на нее, но и пальцем не пошевелила. Так крепко сжала в руке маркер, что, казалось, он вот-вот треснет.

– Пожалуйста… – взмолилась Дейзи.

Прежде чем я успела что-либо сделать, открылась дверь. В дверном проеме возникла небольшого роста женщина, одетая в коричневую юбку-макси и фиолетовый свитер. Она широко улыбнулась нам с Дейзи. У нее был такой вид, будто в свое время она так часто улыбалась, что уголки ее рта огрубели. И поэтому она больше не хотела улыбаться. Но приходилось.

Женщина представилась, мы поздоровались и проследовали в ее кабинет. Я заметила, что один из ее передних зубов испачкан красной помадой. Не знаю, почему, но это начало меня раздражать.

В комнате все было темных оттенков. Темный пол с ковровым покрытием, темные обои на стенах, темный стол. Директор Фишер села за большой темный

стол и жестом пригласила нас с Дейзи сесть в два кресла, обитых темно-зеленого цвета искусственной кожей, стоявших напротив нее. Я подумала, что директор, должно быть, держит дома кучу кошек, а по вечерам посещает свидания от клуба одиночек.

– Так, в какой школе ты раньше училась? – спросила Фишер. – Есть ли документы о переводе?

– Ну, мы пять лет жили во Флориде, в Белони, там Блю ходила в школу имени Рузвельта, – ответила Дейзи за меня, достав из сумки документы и протянув их директору.

– Отлично, – ответила та, быстро просмотрев все бумаги и тут же положив их на угол стола.

– И каково это – сменить школу? Ты рада, Блю? Или пока боишься? – с улыбкой спросила она.

Молчание.

Фишер выждала немного, потом села поудобнее и продолжила:

– Обещаем сделать все, чтобы здесь ты чувствовала себя как дома. Сотрудники и студенты всегда хорошо относятся к новичкам. Ты еще ни с кем не познакомилась из наших девочек?

Молчание.

Директор метнула на Дейзи обескураженный взгляд:

– Она, наверное… еще немного в шоке, да?

– Ну, на самом деле… – сказала Дейзи, прокашлявшись, – есть небольшая проблема. Блю, э-э… Блю не говорит.

Наступила долгая, страшная тишина. Я выстукивала пальцем ритм этой тишины, и он эхом отдавался в моей голове.

– Как это – не говорит? Вообще? С рождения? Или это началось в какой-то определенный момент ее жизни? У нее есть еще какие-то дефекты? Извините меня за прямолинейность, но мне нужно знать, сможет ли Блю учиться вместе с другими детьми, – отрезала Фишер.

– Она… Она… Я не уверена. Не знаю. Просто так получилось. Просто она не говорит. В другой школе думали, что у нее антисоциальная психопатия. Блю… социопат, – сказала Дейзи. Видно было, что эти слова дались ей нелегко.

Фишер посмотрела на меня, как на какое-то редкое животное.

– В тех бумагах, что вы мне дали, есть что-нибудь об этом расстройстве? – спросила она.

– Нет, – вздохнула Дейзи.

– Есть какое-либо подтверждение того, что она социопат, выписка психолога? – поинтересовалась Фишер. От ее длинных непонятных речей у меня голова шла кругом.

– Нет, они просто провели какой-то тест и на основании этого выявили у Блю расстройство личности. Но она не шизик. Она совершенно нормальная, – твердым голосом произнесла Дейзи.

Фишер огляделась.

– Хм. Ну, так как у вас нет никаких бумаг, полагаю, мне придется позвонить в школу, чтобы кто-то подтвердил, что Блю на самом деле проходила такой тест. Имени кого, говорите, школа? Линкольна?

– Рузвельта. Начальная школа. В Белони.

Директриса чиркнула пару слов на клеящейся записке желтого цвета.

– Как только мне пришлют подтверждение, я позвоню вам, – заверила она, вставая.

Мы попрощались. Больше Фишер не улыбалась.

* * *

Пока мы шли по улице домой, я снова начала обводить слова в книге. Я так увлеклась, что, когда Дейзи остановилась на пешеходном переходе, я врезалась в нее.

– Боже мой, Блю! – вскричала она.

Я подняла голову.

– Ты не видишь, что я в ярости? Позорище! Ты что, не понимаешь, как мне трудно признаться директору, что моя дочь – не такая, как другие дети? А ты просто сидела, молчала и ухмылялась. Ни разу рта не раскрыла. Как зомби какой-то. Я так просто больше не могу, – простонала Дейзи. – Убери уже свою чертову книгу и веди себя как нормальный человек, наконец. Ты не видишь, как мне плохо? Не видишь, что ты со мной делаешь, а?!

Мы перешли дорогу. Олли. Он бы вел себя со мной совсем иначе, в сто раз лучше, чем Дейзи, – он бы никогда не обвинил меня в том, что я причиняю ему боль. Олли бы обнял меня и утешил, сказал бы, что все будет хорошо.

Но что мне теперь делать, доктор? Скажите мне. Моего папы больше нет. Он гниет в земле. Наверное, его кожа уже высохла и потрескалась. У него больше нет тех глаз, которые мне так нравились, доктор. У него были красивые глаза. Я любила его улыбку, и его зубы, и все остальное. Как мог такой светлый человек совершить подобную глупость? Как мог такой человек подумать, что сможет ограбить банк? Как у него вообще хватило смелости и наглости? Скажите мне, почему я не могу простить ему такое безрассудство?

До дома оставалось совсем немного. В мое плечо нещадно впивались ногти Дейзи. Ее пальцы превратились для меня в острые гвозди. Мне захотелось взять доску, схватить пальцы Дейзи и что есть силы вбить их молотком в дерево. Чтобы она больше никогда не подняла рук. Чтобы больше не могла принимать наркотики. Чтобы усмирить ее демона.

8

Я проснулась от пронзительного свиста чайника на кухне и громких звуков, доносившихся из соседского радиоприемника за тонкой стеной. Под одеялом было так тепло. Я посмотрела на потолок, и в голове у меня возникли строки из книги.

У меня всего одно желание, – произнесла Дороти, – быстрее вернуться домой в Канзас, потому что тетя Эм наверняка думает, что со мной приключилась беда. Ей придется нарядиться в траур, а если урожай окажется такой же, как в прошлом году, боюсь, дяде Генри это будет не по карману.

Я улыбнулась. Вот, и у Дороти и ее семьи тоже были проблемы с деньгами. Видите, доктор? Не такие мы уж с ней и разные.

– Блю, иди завтракать! – закричала Дейзи.

Взяв книгу, я отправилась на кухню. На мне была только рубашка, болтавшаяся на худом тельце, – она была мне очень велика.

– Сегодня овсянка, – сказала Дейзи, поставив на стол тарелку с кашей. По цвету каша скорее напоминала свежую рвоту. Я села за стол.

– Я буду в гараже у Энтони целый день, так что ты остаешься дома одна, – говорила Дейзи. Она стояла ко мне спиной и накладывала себе в тарелку порцию каши. Потом повернулась и села напротив меня. Поставив локоть на стол, отправила в рот ложку с овсянкой. Я тоже попробовала кашу. На вкус она была слишком сладкая и какая-то искусственная, но я все равно ее съела. Дейзи громко чавкала.

– Уж не знаю, в самом ли деле ты сумасшедшая или просто полная идиотка, – произнесла она, наблюдая за тем, как я с серьезным лицом рассматриваю свое отражение в ложке.

– Наверное, ты одержима. Потому как… – сказала что-то Дейзи…

А потом ее голос исчез из моего сознания. Просто взял и исчез. Я больше не слышала ее, ни звука. И думала, почему Дейзи вечно считает себя самой умной, считает себя единственным вменяемым человеком, который решает – что правильно, а что нет. Нет, только моя книга могла сказать, что правильно, а что нет. И никто никогда не сможет испортить мне настроение в моем собственном мире. Никто не сможет осудить или напугать меня. Никто не столкнется со мной на улице и не спросит, который час. В моем мире не бывает засорившихся из-за чьих-то волос в стоке душевых кабин и унылых мотелей. Не бывает грязных ногтей. В моем мире по улицам не бродят кричащие от отчаяния бездомные. Никто не стреляет. И не убивает. Нет никакой матери-наркоманки, которая бы орала на меня или боялась моих выходок. Только в своем мире я в безопасности. Моя книга – это мой единственный наркотик.

* * *

На следующий день я отправилась в магазин сладостей, как всегда, с книгой под мышкой. Дейзи была еще на работе. На стене здания, мимо которого я проходила, было красивое граффити: изящная девушка с воздушным шариком и плюшевый мишка с солнцами вместо глаз. Я остановилась и подошла ближе. Здание было заброшено. Я заметила, как из окна верхнего этажа вылетел голубь. Я подошла к стене и сунула голову в одно из распахнутых окон, которое было расположено достаточно низко, чтобы я могла заглянуть внутрь, если бы встала на цыпочки. Я увидела большое темное помещение с черным от грязи полом. Из обстановки остался лишь продавленный диван с порванной в углах обивкой. Было слышно, как где-то капает вода. На полу кто-то разложил окурки в форме слова «демон», и я сразу вспомнила про Дейзи.

– Эй, ребенок, ты что тут делаешь? – раздался голос сзади меня.

Я обернулась и увидела небольшого роста толстячка с бородой. Во рту его торчала сигарета.

– Не могла найти местечко получше? Вот что, милая, не шляйся ты по заброшкам. Так и СПИДом недолго заразиться.

Я проигнорировала его и направилась к магазину сладостей. В конце квартала свернула налево, прошла еще немного и наконец добралась до цели.

Еще даже не успев осмотреться, я услышала голос:

– Привет, Блю. Ты меня не помнишь?

Голос снова принадлежал мужчине. Я оторвалась от изучения сладостей и обернулась. На вид этому человеку в голубом свитере было за пятьдесят. У него были карие глаза.

– Я Джордж. Ну что, вспомнила? – улыбнулся он.

Теперь я узнала его. До того как мы уехали во Флориду, я часто сюда заходила, и иногда он угощал меня мороженым. Джордж знал, что я не разговариваю. И что я социопат, тоже знал, но, кажется, его это не беспокоило. Может быть, он не считал меня прямо-таки сумасшедшей, в конце концов.

– Боже мой! Как ты выросла. Сколько мы не виделись – лет пять? Надеюсь, у тебя все хорошо. Хочешь мороженого? Угощаю, – сказал Джордж, улыбаясь. В витрине передо мной красовались все виды мороженого в прекрасных контейнерах. Я показала на тот, что был в дальнем правом углу.

– Шоколадное, как обычно, – снова улыбнулся Джордж, достал ложку, скатал два шарика из мороженого и нанизал их на рожок.

– Держи, – сказал он, протянув мне мороженое. Я посмотрела на рожок и почувствовала, как сердце заколотилось сильнее от доброты Джорджа. Я вышла из магазина и помахала ему на прощание. Уже собиралась повернуть направо и пойти домой, как вдруг заметила на другой стороне улицы что-то поразительно знакомое.

Ресторан. Ресторан Олли. Ресторан моего отца. Ноги подкосились, и я рухнула прямо посреди тротуара, чуть не выпустив из рук мороженое. «Олив Плэйс».

Буквы на вывеске были того же размера, что и много лет назад. Я медленно встала и побрела к ресторану. Перешла через дорогу. Мне нужно было взглянуть

на это место. Хоть раз. Просто чтобы понять, остался ли там папин дух. Засунув книгу под мышку, я как ни в чем не бывало ела мороженое и старалась делать вид, что просто прогуливаюсь. А сама подходила все ближе и ближе. Ближе. Ближе. Ближе. Пока не оказалась у самых окон ресторана. Я прильнула лицом к окну и заглянула внутрь. Стулья и столы стояли все так же. За некоторыми из них сидели клиенты. Все те же картины висели на стенах.

Я стояла так с закрытыми глазами, чувствуя, как стекло холодит лицо. Я чувствовала папино присутствие. В голове тут же всплыли воспоминания – как мы с ним сидели за стойкой в ночное время, когда ресторан уже был закрыт. Он сделал мне коктейль «Рут Бир Флоат» с мороженым и вишней и всеми сладостями, с какими только мог. Помню, что на мне были черные туфельки с ремешками. Помню, что у Олли были ужасные мешки под глазами. Впрочем, улыбаться это ему не мешало. Тем вечером все было хорошо – это был один из тех вечеров, когда ничего необычного не происходило и не требовалось, чтобы придать вечеру остроты. Один из тех вечеров, когда мы просто сидели за барной стойкой опустевшего ресторана. Стулья были сложены на столах, пол сиял чистотой, а с кухни все еще доносился запах еды, и в ней было тепло и влажно. В тот вечер мы много говорили о разных вещах, о том, что было мне интересно, я спрашивала о том, что меня волновало, – и на все это у Олли были ответы, для всего нашлись решение и выход. Вот такой он был умница. И сиял так ярко, что мог прогнать из моей головы все дурные мысли одним своим присутствием. До сих пор помню вкус того коктейля и мороженого – жутко холодного, но ужасно вкусного. До сих пор помню морщинки в уголках его глаз, когда он улыбался – он прищуривал глаза, и они так красиво блестели.

Воспоминания постепенно исчезли. Погасли, как старая лампочка. Но я была бесконечно благодарна памяти, благодарила разум за то, что тот смог подарить мне еще раз ощущение Олли рядом – его запах, его улыбку, настроение той ночи, пусть даже и на короткое время. Уверена, он остался в моем сердце навсегда, и я никогда его не забуду.

Я открыла глаза и вернулась туда, где находилась сейчас. Когда я снова посмотрела сквозь стекло, зная, что Олли там уже нет, мне захотелось броситься в ближайшую реку и утопиться.

В глаза мне бросилась группа мужчин в темных костюмах за столами в центре зала.

Я заметила что-то странное. Один из мужчин курил сигару. На его пальцах красовались крупные золотые кольца. У него были черные глаза и аккуратно подстриженная бородка. Когда он поднял голову, я отпрянула подальше от окна. Мороженое выскользнуло из рожка и плюхнулось на тротуар. Перед моими глазами только что был Олли, я все еще видела его улыбку, а потом вдруг появился этот жуткий тип, сидевший за столом посередине ресторана Олли, и я была уверена, что это Джеймс. Мимо проходили люди, а я так и застыла перед стеклом, не замечая ничего вокруг. Улыбка Олли навечно застряла в моей голове, а передо мной был этот гад ползучий с его злым взглядом и улыбкой Люцифера. Это был он, Джеймс. Это все из-за него. И сейчас он сидел там.

Убери свои грязные лапы от ресторана моего отца, слышишь!

У меня в горле запершило, и я с трудом сдержала слезы. Мне стало почти физически больно. И я заставила себя вернуться домой.

В тот момент могло произойти абсолютно все. В этот миг, я знала, иллюзии и реальность столкнулись и рассыпались на куски. Я думала, мое тело не выдержит таких перегрузок и просто взорвется, живот свело судорогой.

Я побежала – прочь от этого ужасного чувства. Я хотела оставить его в ресторане, чтобы оно перестало меня преследовать. Убежала от ресторана, пронеслась по улице, мимо людей, скамеек, собак и автобусов. Перебежала через улицу, не глядя по сторонам, и несколько водителей возмущенно просигналили мне. Я ворвалась в дом, взбежала вверх по лестнице и помчалась по коридору. Дрожащими руками попыталась вставить ключ в замочную скважину. С десятого раза наконец получилось. Я толкнула дверь, она распахнулась, я вбежала и захлопнула ее за собой.

В моей голове бушевала буря. Слишком много шумов, мыслей, взглядов… навалилось все сразу. Громкий, ужасающе громкий оркестр, разрывающий мои барабанные перепонки: лай собак, крики детей, слишком много труб и сирен, разговоры людей на улице. Казалось, что стены стали сдвигаться, а потолок вот-вот упадет мне на голову, и тогда лампочки лопнут, а осколки брызнут прямо мне в глаза.

Мне захотелось убить его. Это желание начало расти внутри меня, словно сорняк, проросший своими шипами сквозь мое сердце. Убей его, Блю. Убей

Джеймса. Распори ему живот мачете и обагри себя его кровью. Перед моими глазами плыли картины убийства, барные стулья, на которых мы любили сидеть с Олли, стул, на котором сидел Джеймс, лицо Олли и лицо Джеймса; все эти кадры смешались в одном большом смертоносном вихре.

Я что есть силы замотала головой и убежала в свою комнату. Нет, я не сумасшедшая. И не убийца. Мне просто нужно было читать. Это бы очистило мою голову, так я оказалась бы в тайфуне, в тихой его части, где почти не дует ветер. Я скинула туфли и забралась под одеяло. Вытащила книгу из-под мышки и открыла ее. И начала отчаянно читать.

Скорее, скорее, скорее перенесите меня в безопасное место.

Но ужас подстерегал повсюду, он караулил меня, в любую секунду готовый к последнему рывку.

Наверное, в глубине души я ждала этого рывка. Чтобы отдаться ему полностью и без остатка.

9

Наступил мой первый день в новой школе. Утром я на цыпочках прошмыгнула к холодильнику мимо спящей на диване Дейзи. Я сварганила себе бутерброд с арахисовым маслом и джемом, швырнула его в пакетик для ланча. Достала из холодильника бутылку апельсинового сока. Срок годности, судя по этикетке, уже истек, но я немного отпила, и на вкус сок был вполне приличным, так что тоже оказался в моем пакете. Накануне Дейзи сказала, что звонили из школы – они определили меня в спецкласс, и перед первым уроком мне нужно взять у директора свое расписание.

На улице было холодно. Воспоминания о вчерашнем дне не давали покоя, и в душе я чувствовала себя забитым до смерти животным. Как будто умерла я сама. Уже в школе, по дороге в кабинет директора, я крепко прижала книгу к

груди. В классе я села на заднюю парту. Тут были дети с аутизмом, синдромом Дауна и еще какими-то непонятными болячками. К некоторым из них были приставлены соцработники. Я была тут однозначно лишней. Я положила книгу на стол и нервно постукивала пальцами по ее обложке, глядя в угол и пытаясь заглушить все эти голоса вокруг.

– Ты Блю? – вдруг раздалось откуда-то сверху.

Я подняла голову. Передо мной сияла лучезарной улыбкой моя новая учительница.

– Добро пожаловать в нашу школу, – сказала она.

Молчание.

– Дети, познакомьтесь – это Блю Макгрегор, – продолжила учительница. – Она переехала во Флориду несколько лет назад, но теперь снова с нами в Марлинвилле. Поздоровайтесь с Блю!

– Добро пожаловать, Блю, – хором повторил класс. Мальчик в инвалидной коляске раскричался особенно – даже подпрыгивать начал. Я же просто продолжала смотреть в ближний угол.

– У тебя есть какие-нибудь хобби? – Только после того как учительница повторила вопрос трижды, я поняла, что разговаривает она со мной. И тут она добавила: – Можешь не говорить, а просто показать то, что тебе нравится.

Ее слова привлекли мое внимание. Я постучала пальцем по своей книге и подняла ее, чтобы все могли видеть. Открыла книгу и пролистала страницы. Потом провела ладонью по названию.

Выражение лица учительницы, как, впрочем, и остальных детей, было каким-то безжизненным:

– Здорово. Это твоя любимая книга?

Я кивнула.

– Что ж, я очень за тебя рада, – заявила она. – И все же напомню тебе, что нельзя читать во время занятий. Пожалуйста, убери книгу. Прошу прощения. Но таковы правила.

У меня внутри все похолодело. Я смотрела на доску не отрываясь. Разве она не понимает, что я живу только благодаря этой книге? Разве она не понимает, что каждое слово в ней дает мне надежду? Конечно, я не пошевелила и пальцем. Хотя мне хотелось скрести доску ногтями, пока учительница не расплачется и не начнет молить о пощаде.

* * *

Короткий перерыв на ланч я провела на скамейке в гордом одиночестве, один на один со своей книгой. Территория школы была огромной, и во дворе было полно слишком ярко накрашенных девочек, а еще мальчиков, которые слишком часто бегали курить к деревьям. Судя по тому, что я их не узнала, они, наверное, не из спецкласса. Я могла видеть их насквозь. Как забавно – они посмотрели столько мультиков, что их персонажи сожрали им все мозги. Я видела это. Я же вижу все, помните, доктор?

Две девочки подошли к скамейке и сели рядом со мной, начали болтать и предложили мне шоколадку. Кончики их пальцев были перепачканы шоколадом. Может быть, им понравится моя книга? Может, они ее читали? Я постучала одну из них по плечу, а затем показала свою книгу.

– Что? Что такое? – спросила девочка.

Я открыла книгу и провела пальцами по строчкам. Потом указала на несколько слов.

– Ты что, больная? Что ты пытаешься сказать? Я вообще не люблю читать. И не понимаю, чего ты от меня хочешь, – в ужасе пробормотала девочка.

В полном смятении я опустила руки и собиралась было продолжать читать, когда та из девочек, на которой была мини-юбка, спросила вдруг:

– Ты, наверное, Блю?

Я кивнула.

– Боже, ну ты и уродка. Зачем ты вернулась? Еще не все банки ограбила? – язвительно спросила она. И они с подружкой злобно расхохотались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21179452&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: https://tellnovel.com/ru/solomonika-de-vinter/za-radugoy-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить